

Томас Венцлова

**Традиция не всегда человечна,
а реальность не всегда бесчеловечна**

Tomas Venclova

Tradition is not always human,
and reality is not always inhuman

Фото Tomas Vinickas

An interview with a renowned poet and professor Tomas Venclova is dedicated to the searches of the human in the European heritage and tradition, able to break the darkness of present times. Art and literature could be something that helps us to survive. At the same time, we must be aware of the danger of quick solutions and false expectations. As those creating the culture and forthcoming heritage, we bear responsibility for the future of humanity. A conversation was prepared by students of the EHU BA program «European Heritage» Liyana Kakhanouskaya and Liubou Mytskikh.

Попытки понимания современной реальности и положения человека внутри неё нередко погружают нас в туман, в чувство неуверенности и беспомощности. Одним из способов развеять «дым» и найти в пространстве является обращение к вневременному. Не менее важным предстает поиск чего-то «живого» в том, что сейчас кажется статичным, окружающим нас в повседневности; а также умение вступить в общение с тем, что сумеет показать, что нечто в этом мире ещё не случилось, но случается; не сотворено, но творится.

Оживление вечного происходит в нас благодаря людям, которые служат человечности во времена, вовсе не кажущиеся для этого благоприятными. Одним из таких людей является Томас Венцлова – выдающийся литовский поэт, переводчик, эссеист, профессор-эмерит Йельского университета. Мы решили обратиться к нему с вопросами об историческом положении культуры, об измерении европейского наследия, поиске трагедии и возможностях её преодоления. А также – о гармонии, дисгармонии, надеждах и силе быть человеком.

Господин Венцлова, в чем, на Ваш взгляд, сейчас живет европейское наследие? Оно продолжает воспроизводить себя из великих событий прошлого? Исчерпается ли эта традиция? Или же культура продолжит созидать себя?

Европейское наследие основано, вероятно, на трех началах. Можно сказать, стоит на трех китах.

Во-первых, это греко-римская традиция, давшая нам понятие о демократии и праве (впрочем, предоставившая и примеры жесткой тирании – того, что в общественной жизни недопустимо).

Во-вторых, это христианство: его учение следует понимать как освободительный импульс, спонтанный зов совести, прежде всего как эмпатию, то есть, любовь, уважение, доверие к другому человеку, умение чувствовать его «изнутри». Увы, в наши годы христианство часто срывается с властью и пропитывается мирскими интересами, подменяется запретами и ритуалами, культом так называемых «традиционных ценностей» – под ними понимаются предрассудки вплоть до расизма и гомофобии. Это явно противоречит свободе, бесстрашию и открытости первоначального христианства.

Третий «кит» больше всего связан с Ренессансом и Просвещением. Это умение критически относиться к себе, пересматривать прежние точки зрения, учитывать чужой опыт (этого не хватает, например, исламской цивилизации – надо думать, пока что, ибо она моложе по крайней мере на шестьсот лет).

Думаю, эти черты европейского наследия далеко не исчерпали свой положительный потенциал.

Какими возможностями для Вас обладает обращение к наследию и традиции во времена, когда социальная реальность строится на принципе «расчеловечивания»? Может ли наследие помочь человеку справиться с «нечеловеческим» в минуты, когда оно продолжает совершаться?

Традиция не всегда человечна, а реальность не всегда бесчеловечна. Но когда реальность «расчеловечивается», мы не можем говорить: «Это меня не касается». В такой ситуации, несомненно, мускулы души укрепляет обращение к гармонии – Фра Анжелико, Вермееру, Баху, Пушкину, а то и к острой дисгармоничности – Босху, экспрессионистам, Стравинскому, позднему Манделштаму. Все это дает ощущение, что дело человечества не безнадежно.

Как оставаться культурным человеком, не переставать видеть духовные ценности, позволять себе восхищаться поэзией, ходить в оперу, когда ты погружён в политику? Когда каждый день ты просыпаешься с осознанием того, что рядом с тобой существует чистое зло?

Понятие «чистого зла», пожалуй, не христианское, а манихейское. Манихейство – учение первых веков нашей эры, исходившее из иранской религии, зороастризма. Оно дало отзвуки и в Западной Европе (катары, альбигойцы), и на славянских Балканах (богомилы). Приверженцы этого учения считают, что зло – мировая сила, равносильная добру и неуничтожимая. Христианство полагает, что зло – отсутствие или недостача добра: в конечном счете оно есть пустота. Мир лежит во зле, в том числе политическом, но может быть улучшен и преобразован хотя бы отчасти (а в конце времен – полностью). Искусство обостряет ощущение зла (прежде всего, что очень важно, зла в самом читателе, слушателе или зрителе) и тем самым может помочь преображению мира.

Христианское европейское наследие должно быть включено в диалог о понимании мира, времени, человека и существования в целом. Однако после трагических событий XX века обращение к нему стало будто второстепенным делом. Замечались ли Вами несоответствия в обращении к смыслам и ценностям христианской европейской традиции? Каким образом это обращение сможет вернуть свой сакральный характер? И сможет ли в наше время?

Стремление общаться с таинственным в наше время нередко приводит к разнообразным учениям New Age (Блаватская, Рерих, Кастанеда, неоязычество и так далее). Я подозреваю, что New Age

в сильнейшей степени пронизан шарлатанством и пустословием – даже если порой натывается на что-то верное, то натывается случайно. Исключение можно сделать для классического буддизма – это серьезная попытка решать вопросы человеческого бытия.

Но христианство, по-моему, лучше отвечает повседневным потребностям и важнейшим потребностям совести. Хотя бы потому, что считает земной мир не иллюзией, а даром, который надлежит беречь и улучшать. Беда современного – впрочем, и более раннего – христианства в другом. «Воцерковленность» иногда (хотя, конечно, не обязательно) приводит к психологии Тартюфа – ханжеству, лицемерию, стремлению обличать и исключать, то есть, к ненависти, глубоко чуждой христианскому духу. Общение с сакральным должно сочетаться с открытостью, а не закрытостью, со свободой, а не с порабощением.

Существенно понятие «этического слуха», и этот слух надо развивать – в пределе до абсолютного. Есть люди, которым абсолютный этический слух дан изначально, это святые. История показала, что они присутствуют в любые времена и в любых условиях.

Как вы думаете, то массовое, и, возможно, несильно наполненное и осознанное, что сегодня составляет культуру, – останется ли оно в истории? Станет ли его образ следующим европейским наследием? Или же наследие строится на чём-то более глубоком и откровенном?

Массовую и «высокую» культуру не следует строго противопоставлять. Они всегда перекрещиваются и взаимно влияют друг на друга. Причем и в той, и в другой немало мусора: с одной стороны – это пошлость, с другой – неплодотворная «высоколобость». Массовая культура есть нынешний фольклор, который, как известно, в истории остается или хотя бы оставляет след. Нелишне вспомнить культ фольклора в национальных культурах XIX и XX веков. Что-то, конечно, стирается и вытесняется новыми модами, но возвращается в виде «ретро».

Многое в «высокой» культуре, видимо, исчерпало себя – так, живопись и скульптура заменяется инсталляциями и так далее. Но благодаря репродукциям, записям и переизданиям культура всех стран и времен стала доступна более чем когда-либо. Её нам хватит. При этом мы платим за относительно комфортное существование не только отмиранием традиционных форм, но и некоторой всеядностью, неразборчивостью, эклектизмом.

Для меня остается важной категория вкуса, понятие ремесла, идея гармонии. Дисгармоничность, шок действуют кратковременно и относительно, хотя иногда очень сильно.

Культурное воспитание, наследие, литература, поэзия, живопись – все возвращает интерес к миру. Как быть человеку, которому ничего не интересно? Связываете ли вы искусство с определенным умением жить?

С одной стороны, вряд ли есть люди, которым решительно ничто не интересно. С другой стороны, искусством интересуется далеко не каждый, и в этом нет ничего страшного – в обществе должны быть различия, ведущие к напряжениям, а напряжения нужны для эволюции. Но искусство, конечно, учит жить разнообразнее и гармоничнее, существовать как бы на нескольких уровнях. Оно тренирует мозг и помогает пробуждать эмпатию.

Что вы можете посоветовать человеку, выращенному вне европейской культуры или вообще вне культуры, но устремившегося к ней? Способен ли он на полноценный диалог с культурой или его первоначальная среда оставляет в нем неизгладимый след?

Если человек устремится к культуре, то он ей более или менее научится – найдет учителей, переживет диалог с культурой, который может дать своеобразные, необычные – тем самым часто ценные – результаты. Отталкивание от первоначальной среды в таких случаях бывает очень сильным, порою даже преувеличенно сильным. Это и есть ее след.

Сейчас, обращаясь к повседневной речи, можно заметить, что главные общечеловеческие понятия невольно заменяются нами на что-то невзрачное и не требующее большой ответственности. «Счастье» теперь заменяется на «удовольствие», «трагедия» на «печаль», «любовь» на «пользу», «свобода» на «комфорт» и «безопасность», «красота» на «интерес». Такая трансформация в языке указывает на наш страх обращения к величине самого простого. Коснулась ли данная боязнь, на Ваш взгляд, простоты нашего понимания европейских ценностей?

Не всегда высокий словарь означает большую простоту и большую ответственность. В отходе от выпяченных понятий может присутствовать и скромность, отказ от претензий, ирония к себе, то, что в английском языке называется understatement. Но Вы правы в том, что мы живем в потребительском обществе – скажем так, Литва уже живет, а Беларусь и Россия далеко не совсем. Именно такого общества мы, в общем, хотели – инстинкт к потреблению очень силен, он, пожалуй, даже сильнее стремления к независимости и свободе (впрочем, они связаны). А потребительское общество ведет

к «уплощению» психики в духе романа Олдоса Хаксли ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР. Это вряд ли хорошо – скорее опасно. В том же направлении действует информационная революция, в сердцевине которой мы сейчас находимся и поэтому не всегда ее понимаем.

Следует найти некоторое равновесие между новым миром и прежним. Думаю, оно придет, ибо человек очень устойчив и меняется медленно. Интересным симптомом нового равновесия мне кажется то, что немалая часть современной элиты переходит от режима «онлайн», смартфонов, социальных сетей и кибернетических игр к режиму «оффлайн», непосредственному общению, то есть как бы возвращается от «фастфуда» к домашней еде и ресторанам.

Замечали ли Вы когда-то, что поэтическое обращение к традиции и наследию оказывало влияние на новое «дыхание» традиции, видение в ней чего-то «живого»? Каким образом служение языку через поэзию помогает душе человека вступить в живое общение с историей?

Каждый поэт знает, что его работа может обновить, приблизить к нам многовековые топосы, мифологические мотивы, архетипы, исторические воспоминания. В более общем случае это называется деавтоматизацией. Российские формалисты (Шкловский) тут предлагали хороший термин «остранение».

В наше время оказывается всё ещё невыносимо трудно отыскать понимание трагического наследия XX века, объяснить феномен Освенцима и ГУЛАГа, и даже просто принять факт произошедшего. При этом, мы всё ещё переживаем некоторые «осколки» тех событий, на примере политических репрессий в Беларуси. Какие духовные качества необходимо отыскать в себе, прежде чем начать работу над поиском понимания трагедии, её истоков, мотивов и последствий? Как обратить внимание на то, что в корне не обладает оптимизмом?

Поиски трагедии надо начать с себя, а не с других. Понимание трагедии – это понимание, что человечество при всех различиях обладает глубоким единством, которое нельзя нарушать. То есть, нужен не-национализм, не-расизм, не-классовое чутье. Нужно отвергнуть идею «справедливой расплаты» и мести. Что бы ни натворил Муаммар Каддафи, смерть его была вряд ли менее ужасной, чем его злодеяния. Расплата справедливой не бывает и оснований для оптимизма не дает. Необходимо не противопоставление и разъединение, а все та же эмпатия. Злодею надо просто закрыть возможность наносить вред, а не воздавать ему «око за око». В этом, по-моему, заключается высшее мужество.

На Ваш взгляд, способно ли «общение» с культурой, традицией и наследием обладать потенциалом для разрешения социальных конфликтов? Возможно ли в нем отыскать исток мира во время войны, споров и нелюбви?

Бродский сказал во время своих нобелевских торжеств, что человек, прочитавший классиков (насколько помню, он упоминал Диккенса, Пруста, Баратынского), менее склонен ко злу, чем тот, кто этого не сделал. На него напали, справедливо указав, что многие эсэсовцы (да и чекисты) были вполне начитаны, и это им не мешало творить злодеяния. Но, по-моему, если культура, традиция и наследие остановят хотя бы одну руку, мешают хотя бы одному человеку влиться в ряд преступников – а это возможно – это несомненно лучше, чем ничего.

Интервью подготовлено студентками бакалаврской программы ЕГУ «Европейское наследие» Лианой Кохановской и Любовью Мыцких.

Любовь Мыцких   Диана Кохановская